

Сергей, вы слывете образцом объективности на нашем ТВ, которое с объективностью, можно сказать, несовместно...

- Я уже говорил сто раз, что никакой объективности не существует. Человек, который говорит, что он объективен, блефует, он просто проталкивает свою точку зрения. Я же стараюсь работать объективистки, то есть делаю шаг в сторону и наблюдаю за процессом, за движением. Я никому не сочувствую, ни за что не борюсь, не пытаюсь развернуть ход истории, потому что я фаталист в известном смысле. Может быть, от этого возникает впечатление объективности, но это, повторяю, объективизм. Это такая школа. Так надо работать, вот и все.

- Хорошо, но возьмем хотя бы ситуацию в Чечне. Даже у аполитичного человека она порождает бурю эмоций. А вам приходится "наступать на горло собственной песне", чтобы спрятать свои эмоции в карман. Или у вас уже выработался некий профессиональный цинизм?

- Это не цинизм, это профессиональ-

- И что же, по вашему поводу "небожители" никогда не устраивают разборок руководству Российского канала?

- Знаете, Попцов, при всем моем ироническом отношении к нему как к персонажу, - очень мужественный человек, на мой взгляд. Он неоднократно нас прикрывал, когда по нашему поводу ему звонили и ругались всякие субъекты... "византийцы" - у нас же византийская политика, да? Я, например, византийского языка не знаю, не понимаю, не учился ему, а Попцов владеет им и владеет языком, на котором говорю я. И он умеет этим "византийцам" - а это, как правило, просто шестерки у больших начальников - аргументированно объяснить на их языке, чтобы они заткнулись. Я очень уважаю в нем это качество: он не пересылает удар на "нижестоящих", он принимает удар на себя.

- Сергей, вас не смущает, что вы со Сванидзе играете как бы вразнобой, поскольку он исповедует в журналистике подход, прямо противоположный вашему объективистскому? Вы не пытались как-то прийти с ним к общему знаменателю?

- Я просто не в курсе, что делает Сванидзе, поскольку "Подробно-

Сергей Доренко
появился на
телеэкране несколько
лет назад. Но звездой
первой величины
в политической
тележурналистике его
сделала передача
"Подробности",
которой в эти дни
исполнился год.

Неделя, - 1995, - янв. (ч. 4) - с. 14. Подробности

о "Подробностях"

ная грусть. Я наблюдаю какие-то процессы и вижу их несовершенство, вижу, каков интеллектуальный уровень принятия решений, и это заставляет меня грустить. Меня удручает, скажем, как злодейство само по себе, так и то, что это - интеллектуально убогое злодейство. Но я изо всех сил стараюсь скрыть свою удрученность, потому что мое дело - наблюдать...

- ...тогда как большинство ваших коллег на ТВ если не словами, так хотя бы мимикой, хоть дрожанием мускулов лица стараются наметить проницательному зрителю на свою позицию...

- Журналист у нас, как правило, занят показом собственной личности. Мне это не нужно, моя личность реализуется не на "сцене", а точно так же, как и ваша, - в семье, где я принимаю решения. Вот центр Вселенной. И я хочу возвысить личность своего зрителя. Вы где-то ходили целый день, занимались своими делами, вечером садитесь перед телевизором и говорите: "Позвать Доренко!" Появляется Доренко. Вы ему: "Доложите, господин Доренко, что произошло в течение дня!" Я докладываю. Все! Я не собираюсь учительствовать, мое дело - выдать информацию, а ваше - принять решение, исходя из этой информации, потому что вы свободны, вы ответственны, у вас есть право жить и умереть, как вам заблагорассудится.

- Однако у вас программа не только информационная, но еще и аналитическая...

- Да, аналитическая, но не в том смысле, чтобы выставлять оценки "хорошо - плохо". Вот я у детей своих стараюсь отбить этот инфантильный подход: кто хороший, кто плохой? Говорю: нет людей хороших и плохих, есть просто люди со своими интересами. И мне кажется чрезвычайно увлекательным раскрыть векторы движения интересов, которые могут совпадать или не совпадать с вашим вектором. Поезд не становится плохим оттого, что кто-то попал под него, и наоборот, хороший оттого, что он никого не задавил. Просто надо знать, куда он идет, какое у него расписание, и т. д. - и принять решение: лечь на рельсы или идти вдоль железной дороги.

- И все-таки - неужели для вас это только интеллектуальная игра? Мне как-то не хватает эмоций в ваших рассуждениях.

- Чисто эмоционально, по-журналистски, я, естественно, стараюсь продать свое шоу как можно дороже. Телевидение - это же шоу-бизнес, правильно?

- Что значит - дороже?

- Я должен раскрыть сюжет, дать интригу, столкновение характеров, интересов, групп, сообщить какие-то тайные сведения, которые помогают объяснить те или иные действия. Но это нельзя делать с натяжкой, на голых эмоциях. Если же ты не просто вещаешь с выпученными глазами, как Орлеанская дева, восходящая на костер, а выкладываешь факты, - зритель это ценит.

- Какие зрители для вас важнее: "простые люди" или люди, делающие политику?

- Нет, только не делающие политику, не дай Бог. Широкий зритель, тот, кто принимает решения в интересах своих и своей семьи, а вовсе не в интересах Вселенной, русской истории, "демократии" и т. п.

- Тем не менее интересно, какая у вас существует "обратная связь" с политиками, можете ли вы, ваша передача каким-то образом повлиять на процесс принятия решений там, наверху?

- Я, опять же, не стремлюсь влиять на политику. Я не хочу писать новейшую историю, как это делают многие видные журналисты в России: вполыхая, торопясь, чтобы никто их не опередил, чтобы их версия вошла потом в учебники.

А политики - что меня первое время больше всего удивляло, - отнюдь не испытывают ко мне злобы из-за того, что я не играю за их команду, а точнее, не играю ни за какую команду, и вижу, что они мне доверяют, им интересно меня убеждать, им интересно даже то, что я сомневаюсь абсолютно во всем, что они мне говорят. Хотя, казалось бы, должна быть другая логика: раз сомневаешься - значит, не наш, значит, сволочь. Это при том, что многие журналисты заранее опускают себя до уровня олигофренов, боясь задавать вопросы не то что собеседнику, а даже самим себе - им кажется, что это признак верности.

Так вот, вопреки установившейся точке зрения, что журналист - это кретин, спешу сообщить, что это не так, и сами политики вовсе не жаждут журналистского кретинизма. Они нормально воспринимают, что вы их рассматриваете под увеличительным стеклом, изучаете их, как зверушек, абсолютно холодно препарируете их с пинцетом и скальпелем. Исключение составляют разве что люди, еще необкатанные в политике, - чаще всего это члены правительства, директора заводов.

сти" никогда не смотрю. У меня очень жесткий распорядок дня, и с восьми до восьми сорока я слушаю радио.

- А какие-то программы, аналогичные вашей, смотрите?

- У меня всегда проблема выбора: слушать ли мне в 19 часов "Эхо Москвы" или смотреть программу "Сегодня"? Обычно они не уступают друг другу по части информации, хотя "Эхо Москвы" иногда даже интересней.

- Скажите, Сергей, не возникало ли у вас желания покинуть "линию фронта"? Например, будь у вас такая возможность, как у Гурнова, Ростова, Флярковского, уехать корреспондентом за рубеж, - не предпочли бы вы жизнь более спокойную, при том, что весьма интересную в профессиональном плане?

- Во-первых, я не отношусь к политике, как к грязи, все эти сюжеты, драмы, интриги потрясающе интересны. Во-вторых, конечно, напряжение очень большое, и я понимаю Ростова, которому я в свое время говорил: "Юра, честное слово, это не выход - уехать", а он мне ответил: "Старик, я действительно ОЧЕНЬ устал". Я теперь иногда думаю: "Черт, наверное, я тоже устал".

- И что вы делаете, чтобы переключиться?

- Я люблю забираться в свою берлогу, отсижусь, почитаю - и опять готов к бою. Я быстро преодолеваю депрессивные состояния, они у меня, если есть под рукой Марк Твен, продолжают не больше нескольких часов.

- А что именно любите у Марка Твена?

- Абсолютно все! Любю том на выбор, с любого места. Это колоссальный антидепрессант.

- Ваши дети тоже читают Твена?

- Дети не читают вообще ничего, играют на компьютере и смотрят телевизор. Это другое поколение, нечитающее.

- Вас это не волнует?

- Волнует. Хотя, с другой стороны, может, и не стоит волноваться: они развиваются иначе, чем мы.

- Когда говорите о детях, сам собой встает вопрос об их будущем, вообще о нашем будущем. Вам не кажется, что оно темно и тревожно?

- Нет. Правда, я убежденный пессимист, но не на эмоциональном уровне. Если говорить о том, что развитие политики губительно, то нужно признать, что так оно обстоит уже по меньшей мере последние три тысячи лет. Однако люди живут, улыбаются, женятся, рожают детей, сажают петрушку...

- Но за эти три тысячи лет с отдельными государствами случались страшные катастрофы...

- Гибель Римской империи продолжалась несколько столетий - но жизнь в ней не остановилась. А что же нам теперь - лечь и поминать, что ли, из-за всех катаклизмов? Надо жить! Надо строить. Вот я уже раз пятьдесят рассказывал всем окружающим историю: когда я был в Чечне, там один человек, Али, который пустил меня переночевать, спрашивает: строить мне камин или не строить? Я говорю: строй! Он говорит: но они же разбомбят! Я отвечаю: тогда по новой строй. А если снова разбомбят? Снова строй! Твое дело строить, их дело - бомбить.

- Но могут заодно и самого Али разбомбить.

- Ну, если не хочешь, чтобы тебя разбомбили, - значит, борись!

- А вы-то сами - будете бороться теперь, когда над Российским ТВ, над Попцовым сгущаются тучи?

- Я признаю, что правительству нужен инструмент пропаганды и что у него сейчас его нет. Поэтому Российское ТВ обречено стать таким инструментом. Важно, чтобы руководство страны и ограничилось лишь Российским телевидением. В силу уровня интеллектуального обеспечения русской политики этот инструмент будет убогим. А что касается журналистов и Попцова, я бы сказал так: правительство в своей игре пытается использовать как повод Чечню - и это самый губительный для него вариант. Если оно хочет играть роль душиителя свободы, то мы с удовольствием сыграем героев демократии. Если оно найдет более тонкий подход - тогда мы без особого шума уберемся с этого канала.

Беседу вела Галина ЧЕРМЕНСКАЯ.
Фото Сергея Иванова.